

Дариуш Росати

Государственное устройство и внешняя политика

(Публичная лекция, прочитанная в Польском институте международных дел 17 января 2001 года, опубликованная в „Polski Przegląd Dyplomatyczny”, t. 1, nr 1(1), 2001, s. 41-59; перевод не авторизован)

Тема этих лекций касается связей между внешней политикой и государственным устройством и, естественно, существует много аспектов этой взаимосвязи, которые можно в данном случае называть. Самым простым является, пожалуй, тот, что, как все, наверное, согласятся, устройство государства сказывается на том, какова внешняя политика данного государства, так как, например, династические монархии либо моноконфессиональные страны ведут совсем иную внешнюю политику, с помощью иных средств, чем демократические республики.

Но если я бы здесь пытался развить именно эту мысль, то не был бы слишком оригинальным, поэтому я решил посмотреть на данную связь несколько иначе, а именно поставил перед собой вопрос: как влияют формы государственного устройства других государств на внешнюю политику данной страны? Иными словами: влияет ли факт, что у наших соседей либо в странах, несколько удаленных от наших границ, государственное устройство выглядит так, а не иначе, внутренние институты определены так, а не иначе, на нашу внешнюю политику, а если да, то каково это влияние?

Я начну с того, что в международных отношениях, если оглянуться на историю последних, скажем, 300 лет, любое государство всегда придерживалось какого-то мнения относительно того, оказывают ли государственные институты других стран, соседних и более дальних, воздействие на его безопасность, и здесь сформировались две позиции. Согласно

первой, эти институты оказывают самое прямое влияние на безопасность, интересы и мир вокруг наших границ. В связи с этим, если принять такую позицию, логично было, что данное государство каким-то образом пыталось воздействовать на развитие институтов государственного устройства в соседних странах таким образом, чтобы сформировать их по своему усмотрению, считая, что таким образом действует на благо собственных интересов.

Однако в рамках этой позиции наблюдался также и некий дифференцированный подход. Можно было, конечно, непосредственно, даже грубо влиять на формирование этих институтов в других странах, оказывая силовое воздействие, подкрепленное соответствующими военными ресурсами, чтобы достичь определенных изменений в устройстве некоторых государств. Но можно было применять и более мягкую политику, оказывать давление, уговаривать, служить примером. И в зависимости от того, применялся ли первый или второй подход, можно говорить о таких формулах внешней политики, одну из которых Генри Киссинджер называл «формулой крестоносца» (можно привести к определенным изменениям в государственном устройстве с помощью огня и меча), а другую – «формулой дорожного указателя» (она заключается в том, что государство ничего не навязывает, ни во что не вмешивается, но осознает значение форм государственного устройства в других странах и старается на них влиять, но мирным способом). Различные страны в истории применяли разные методы. Но это первая позиция, сущность которой, в основном, сводится к тому, что, конечно, чужие государственные институты учитываются, учитываются для нашей безопасности и осуществления наших интересов.

Существует также и вторая позиция, позиция реальной политики, сущность которой сводится к тому, что государственные институты наших соседей не столь важны, важно то, чтобы наше государство обладало соответствующими силами и средствами, в том числе военными, чтобы формировать международные отношения согласно своим интересам. Такова была т. н. *realpolitik*, исповедуемая могущественными, сильными государствами, которые решили: вместо того чтобы мягко воздействовать на другие страны, убеждать, располагать к себе, можно просто применять силу.

В истории Европы, если мы посмотрим, как уже предлагалось, на последние 300 лет, преобладала то одна, то другая позиция. Посмотрите, пожалуйста: 30-летняя война является классическим примером попытки навязывания собственных институтов другим государствам. Это были, главным образом, религиозные

войны, однако и династические интересы играли в них определенную роль. Отдельные страны пытались навязать свои институциональные формы, свою религию (либо протестантскую, либо католическую), пытались посадить членов собственных правящих фамилий на чужие престолы. Эта война оказалась настолько разрушительной и уничтожительной, что заключенный после ее окончания Вестфальский мир содержал первый, можно сказать, современный принцип взаимоотношений между государствами. Это был принцип суверенного государства, опирающегося на общеизвестное правило единства власти, религии, населения и территории.

Итак, те страны, которые воевали между собой, в конечном итоге после тридцати лет опустошительных боев признали, что действительно, наверное, придется оставить решения в области государственного устройства, внутренних государственных и религиозных структур в компетенции отдельных государств. Это означало, что в международную политику – во внешнюю политику – был введен принцип невмешательства во внутренние дела. Это, конечно, не значило, что к данным вопросам другие страны оставались равнодушными, но был принят такой принцип, и его придерживались в течение 150 лет, приблизительно до момента, когда в конце XVIII века вспыхнула Французская революция, которая сама, а затем и ее продолжение в виде наполеоновских войн стали очередными попытками экспортировать некоторые институциональные формы в другие страны с помощью аргумента силы. На этот раз, возможно, вопрос касался не столько экспорта определенных религиозных форм (государственной религии), сколько экспорта нового типа государства – республиканского. И хотя Наполеон был императором, то, что он экспортировал и оставил в других странах Европы после более чем десятилетнего периода своих завоеваний, на самом деле были институты республиканские – конституции, правовые кодексы. Это были институты, которые создавали основу современного государства.

Однако этот более чем десятилетний эпизод вновь был прерван. Никому тогда в Европе не нравилось, чтобы кто-нибудь из Парижа или Лондона пытался навязывать государственное устройство в Берлине или в Москве (не в Москве, а в то время в Санкт-Петербурге), и Венский конгресс положил конец этим попыткам и ввел новую систему международных отношений в Европе – систему, которая отличилась удивительной прочностью. Это была система, базирующаяся на невмешательстве во внутренние дела. Иначе говоря, каждый правитель на своей

территории мог делать все, что ему заблагорассудится, но с двумя исключениями:

- во-первых, власть ему должна была быть передана по праву наследования, она должна быть легитимной, легитимной, конечно, в династическом смысле, ибо таковы были в то время правила,
- во-вторых, обязательной была система равновесия сил. Это было нечто новое в международных отношениях, так как страны, которые не были в состоянии участвовать в этой игре сил между державами с более или менее равным потенциалом, рисковали, что их интересы не будут в этой системе должным образом учитываться.

Венская система, опирающаяся на невмешательство и принцип силового равновесия, существовала, как всем известно, до конца XIX века, когда Германия увидела возможность добиться для себя определенного стратегического превосходства над своими соперниками и силой навязать им, как это уже сделала с Францией в 1870 году, определенные решения по вопросу государственного устройства, а также такой позиции в Европе, которая бы не угрожала ее экспансии и интересам. Эта попытка Германии добиться стратегического превосходства, как мы все знаем, закончилась катастрофой, закончилась первой мировой войной и, конечно, поражением самой Германии.

Версальский мирный договор 1918 года, который должен был упорядочить европейскую сцену, принес большое разочарование. Родился он под очень счастливой звездой – в его основе лежало принятие принципа о праве наций на самоопределение. Это был принцип, который в некоторой степени, с далеко идущими последствиями, нарушил прежний святой принцип суверенитета. Это был принцип, который санкционировал распад многонациональных государств и определил существование собственно национального государства.

Принцип о праве наций на самоопределение, который был импортирован в Европу из Соединенных Штатов Америки, привез, конечно, президент Вильсон. Благодаря применению этого принципа Польша вновь обрела независимость, но в то же время независимость вновь обрели и несколько слабых государств Центральной и Восточной Европы, а также на Балканах. И в ситуации, когда с двух сторон оказались большие державы – неудовлетворенная и раздраженная поражением Германия, столь же неудовлетворенная и экспериментирующая с новой системой Россия – а посреди множество слабых, враждующих государств, это была такая конфигурация

международной сцены, которая подталкивала к применению политики силы, т. е. опять реальной политики.

Когда мы сейчас смотрим на Версальский трактат, мы отчетливо видим, что это было торжество нравственности над реализмом. Принципы нравственной политики, которые Вильсон привез в Европу, столкнулись с предубеждениями, исторической враждебностью, которые существовали в среде европейских стран. Они столкнулись также с неспособностью европейцев построить единую систему безопасности и разным пониманием интересов безопасности:

- у Англии были другие интересы, она по-другому смотрела на ситуацию в Европе,
- Франция все время опасалась возрождения Германии,
- Германия только ожидала момента, когда вновь можно будет начать борьбу за господство в Европе,
- Россия была на положении *enfant terrible*, в то время это была советская Россия в первые годы существования,
- Соединенные Штаты, которые в конечном итоге вышли из Европы,
- другие страны, которые раздирались внутренними противоречиями, этническими конфликтами, с только-только установленными границами, которые не признавались частью из них.

Это была очень нестабильная ситуация.

Важным является действительно впервые введенный во внешнюю политику нравственный аспект. Некоторые рассматривали его как идеализм. Иные подозревали, что американцы во всем этом имеют какие-то очень конкретные интересы, однако, конечно, нельзя не согласиться, что это именно в 1918-20 гг. карта Европы изменилась благодаря применению или же введению в международную политику этого нравственного аспекта. Но, как уже было сказано, ситуация была слишком нестабильной, чтобы выдержать испытание временем. В течение 20 лет, прошедших между двумя мировыми войнами, были постоянные конфликты. Это была также борьба идеологий. Возникли два больших идеологических государства. Одно государство, которое провозглашало превосходство определенного класса, – страна рабочих – и другое государство, которое провозглашало превосходство определенной расы, – государство немецкое. В ситуации, когда мы имели дело со столь агрессивными идеологиями и при этом, как уже говорилось, со множеством молодых государств, которые не в состоянии были между

собой установить надежное и прочное сотрудничество, начало очередной войны было, собственно, лишь вопросом времени.

Вторая мировая война, по моему мнению, была дополнением первой. Она в некоторой мере имела целью свести все те счеты, которые не удалось свести во время первой мировой войны. Эта война была, по всей вероятности, самым худшим опытом в истории человечества с точки зрения разрушительных, губительных последствий, которые она принесла. Это был настолько страшный опыт, что он склонил европейские страны (собственно, уже во время военных действий, когда стало известно, что победа переходит в руки альянса, западные страны предлагали прекрасные решения) к разработке некоторых надежных проектов, касающихся будущей системы европейского сотрудничества, которая бы уже никогда не позволила развязать новую войну. Именно этот трагический опыт второй мировой войны склонил большинство государств, и особенно участников антигитлеровской коалиции к тому, чтобы как можно скорее предпринять попытку построения такой системы международного сотрудничества и общей безопасности, которая бы не допустила очередной войны.

И было начато формирование такой системы в 1945 году, и тогда впервые, именно после опыта с Советской Россией и с гитлеровской Германией, в очередной раз обратили внимание на роль государственного устройства, внутренних институтов. И именно в этот период был сделан вывод, который в настоящее время столь очевиден, о том, что демократия и демократические формы правления, демократический строй является мощным инструментом укрепления мира и безопасности. Итак, эта новая система, возникшая после 1945 года, в отличие от всех предыдущих попыток (венская, версальская), глубоко вникала во внутренние решения. Это была система международных отношений – система общей безопасности, но обращалась она (и собственно начинала с них свою логику) к внутренним формам, формам государственного устройства. И первым принципом, принципом номер один в принятии решений по государственному устройству был принцип демократии, принцип парламентаризма, принцип соблюдения прав человека и национальных меньшинств. Это была первая опора новой, появившейся после 1945 года системы европейского сотрудничества.

Второй опорой – и это был очередной урок, извлеченный из периода между двумя мировыми войнами, – была опора экономическая. Был сделан вывод о том, что нельзя обеспечить

прочную безопасность, стабильность, если прежде всего не открыть людям какие-либо разумные и реальные перспективы улучшения благосостояния. Признавалось, что право на труд является естественным правом. Признавалось, что освобождение от нищеты является тем, что нужно обеспечить населению. Таким образом, важнейшим выводом, сделанным в то время, было признание того, что система европейского сотрудничества, кроме первой опоры демократических решений по государственному устройству, должна также обеспечивать экономическое сотрудничество – сотрудничество, которое всем даст возможность либо работать, либо по крайней мере получить должное соцобеспечение. Это начало образования, или зарождения, государства материального благосостояния – *welfare state*.

И, наконец, третья опора, которая оказалась в то время необходимой, – это военный союз с участием Соединенных Штатов. Общеизвестно, что после 1945 года Европа была разделена на две части. Система, о которой идет речь, строилась только в западной ее части. Восточная часть была отдана под влияние и господство Советскому Союзу, и для центральноевропейских стран это означало вхождение в долгий, более чем сорокалетний период экономической стагнации и духовного порабощения. Но именно потому, что Европа была разделена на две части, эти части сразу же стали между собой соперничать, и именно потому, что в восточной части Европы господствовал авторитарный – тоталитарный режим, западные государства решили добавить к двум опорам своей системы сотрудничества – «демократии» и «экономическому аспекту» – третью опору – аспект военный. Был образован военный союз – Североатлантический альянс.

Одновременно в рамках этой новой системы европейского сотрудничества можно было заметить существенное изменение в проводимой экономической политике. Это была политика, которая, во-первых, порвала с принципом силового равновесия, т. е., конечно, в дальнейшем отмечалось соперничество между блоками Востока и Запада, но еще не было и речи о соперничестве между странами западного сообщества. Она порвала с традиционной системой двусторонних, трехсторонних крестовых союзов. Мы помним «малые антанты», «большие антанты», разные другие экзотические союзы, которыми страны пытались угрожать друг другу. Эта практика была отброшена, и было заявлено: чем больше стран объединится в такой системе сотрудничества, тем большая будет безопасность для всех. Но,

я еще раз подчеркиваю, для всех стран обязательными были демократические внутренние решения. На страже таких внутренних решений в этих странах – как Вы знаете – стояли Совет Европы и Международный трибунал. Это были институты, которые отвечали за первую опору, за вторую опору экономического сотрудничества отвечали спустя какое-то время Европейская организация сотрудничества, затем Европейский Союз. А что касается военной опоры, так здесь мы имели дело с североатлантической структурой в виде договора НАТО.

Если говорить о внешней политике, то вот эта новая система – как уже отмечалось – постепенно вырабатывала ее новую модель. Это не было соперничество между блоками, это не было равновесие сил, это также не была *realpolitik*. Большие страны не навязывали свои решения небольшим государствам – небольшая Дания чувствовала себя весьма безопасно в соседстве с большой Германией. Так же было и со странами Бенилюкса, зажатыми между тремя державами – Францией, Германией и Великобританией. Это было сотрудничество, которое опиралось на некоторые общие ценности, но элементом этих ценностей были именно ценности нравственно-этические. И это свидетельствует о том, что американский экспорт нравственного аспекта (Вильсон привез его в Европу на 20 лет раньше, чем Европа успела к нему приготовиться) отозвался очень сильным резонансом в Европе именно после Второй мировой войны.

После Второй мировой войны этот моральный аспект в политике стал ощущаться все сильнее. Проводившаяся политика имела также и сильное прагматическое оправдание. Европейские страны прекрасно отдавали себе отчет в том, что демократия, защита прав человека, защита этнических меньшинств – это именно те меры, которые смягчают противоречия, ликвидируют агрессию и стремление к войнам. Это также была деятельность, которая являлась наиболее прагматичной, максимально направленной на подлинные результаты. Но, с другой стороны, именно эта политика демократии, защиты прав человека вписывалась в западные христианские традиции и в очень живые традиции идеи справедливости, равенства, общественной солидарности. То есть то, что писалось на знаменах новой политики, новой системы европейской безопасности, было очень близким и соответствовало тому, что чувствовали простые люди, было очень близко к обиходному пониманию «добра и зла», к популярному пониманию принципов справедливости.

Оказалось, что это прочный элемент европейской политики, или скорее, я бы сказал, евроатлантической внешней политики.

Таким образом, в пятидесятые-шестидесятые годы возникла модель внешней политики, которую можно было бы назвать нравственно-демократической. Демократической потому, что она опиралась на демократические структуры в государствах, которые ее применяли, причем известно, что обычно, повторяю: обычно, демократии не начинают агрессию сами по разным причинам, в частности, потому, что там требуются различные процедуры, эти процедуры должны быть чистыми, прозрачными: решения должны приниматься парламентами, а не единоличными автократами. В парламентах находятся различные силы; парламентарии представляют различные общественные группы, разные электораты. Принять решение об агрессии в рамках парламента – это очень сложное дело. Значительно легче такие решения принимали деспоты и диктаторы. Демократия – это был тот единственный элемент, который здесь имел решающее значение. Но мы также имели дело с этим нравственным аспектом. Этот нравственный аспект также набирал силу потому, что все важнее становилось общественное мнение в западных странах, а общественное мнение становилось все важнее, так как развивались масс-медиа и информационные технологии. Появилось телевидение, радиовещание. Мы начали иметь дело с ситуацией, пожалуй, не до конца здоровой: политические деятели, вместо того чтобы планировать дальнейшее будущее на благо своего государства, стали измерять свой успех тем, как они комментировались в вечерних информационных выпусках. Эта слабость политиков усиливается и в последние годы, и, к сожалению, в данный момент мы имеем дело с ситуацией, в которой общественное мнение и СМИ оказывают огромное влияние, являются всемогущим фактором, который формирует позиции политиков, то, что они говорят, ибо во все большей степени они говорят то, что хотят услышать их собеседники, и во все меньшей степени говорят то, что нужно говорить, чтобы соответствующим образом реализовать интересы государства.

Но я возвращаюсь к той нравственно-демократической модели. Она формировалась в течение последних нескольких десятков лет, но, как я сказал, элементы ее уже присутствовали в американской политике. Напомню, что вопрос о нравственных принципах в американской политике рассматривался как некий курьез, чтобы не сказать причуда.

Существует некая запись бесед посла Соединенных Штатов Гарримана со Сталиным, который проводил с ним часовые разговоры на тему будущей системы Европы, причем значительная часть этих бесед касалась карты Центральной Европы и того, в какой степени должна быть независимой Польша и какие у нее должны быть границы; Гарриман после долгих-долгих часов дискуссии со Сталиным просто растерянно телеграфировал в Вашингтон: «Мне кажется, что Сталин не понимает и никогда не поймет, что вопрос Польши является просто делом наших принципов, что Соединенные Штаты не имеют ни временного интереса, ни нефти, ни военных баз в Польше и не в этом дело. Вопрос независимости Польши, силы Польши – это вопрос наших принципов». И то, что тогда странно звучало, особенно для ушей тогдашних советских дипломатов, сейчас является вещью, которую все мы считаем естественной во внешней политике.

Но систематически эта модель нравственно-демократической политики, пожалуй, стала появляться во внешней политике лишь после I Конференции СБСЕ в 1974 году. Именно тогда формально был введен в приоритеты западных государств вопрос о правах человека, защиты прав человека, и именно тогда социалистические страны согласились, что вопросы защиты и мониторинга прав человека являются предметом дискуссии, что это вопросы, которыми западные государства будут заниматься и это вопросы, по которым придется отчитываться. Это и был собственно переломный момент. С этого времени дела уже пошли быстро и нравственный аспект стал приобретать значение. Мы помним реакцию Соединенных Штатов и связь некоторых политических решений в отношении Соединенные Штаты – Советский Союз, зависимость этих решений, например, от соблюдения миграционной квоты евреев, уезжающих в Израиль. Все здесь присутствующие, наверное, помнят санкции, примененные против Польши в 1981 году в связи с введением военного положения. Еще в 1968 году, во время вторжения в Чехословакию, таких санкций не было. Никто еще ни о чем таком не думал. В 1981 году это оказалось уже невозможным. Наконец, мы помним реакцию Запада на войну в бывшей Югославии и в конце концов последним, пожалуй, наиболее ярким проявлением этой нравственно-демократической модели во внешней политике является интервенция НАТО в Косово.

Вся эта эволюция явно показывает, что изменялось понятие интересов государства, изменялось понятие приоритета

внешней политики, и оказалось, что самым важным являются права человека и гражданина. Было решено, что государство является вспомогательным инструментом по отношению к людям, а не бытием, которое само по себе имеет значение и которое имеет право подчинять себе людей и даже порабощать их во имя каких-то абстрактных государственных интересов. Итак, здесь произошла огромная эволюция, и можно сказать, что закончилась эпоха, начатая вестфальским мирным договором. Суверенитет, который тогда занимал позицию важнейшей ценности в международных отношениях, в настоящее время ушел на задний план. Он по-прежнему важен, но важнее, если не самым важным в данный момент является вопрос о том, ведет ли государство честную политику по отношению к своим гражданам. Ибо если оно ведет себя непорядочно, то теперь можно оказывать на это государство давление и даже пойти дальше – вплоть до интервенции, так, как это сделало НАТО в Косово. Но, как я сейчас попытаюсь показать, это было настолько травматическим опытом, что, вероятно, не следует ожидать дальнейших операций подобного типа.

И вот сейчас я хочу показать, что данная нравственно-демократической модель, которая сформировалась за последние тридцать лет, имеет свои слабые стороны и ограничения. Именно эти слабые стороны и ограничения были обнаружены в случае конфликта в Косово.

Во-первых, как утверждают ее противники, она вовсе не такая нравственная. Интервенция в Косово была, как всем Вам известно, подчинена стратегии «ноль потерь». Она должна была быть некоей хирургической операцией, но поскольку оказалось, что эта хирургия не столь уж точна, мы в Югославии имели дело действительно с интервенцией дистанционной, интервенцией на расстоянии, но абсолютно подчиненной защите собственных граждан. Этой стратегии была подчинена тактика, и можно было предъявлять, и многие люди предъявляли, претензии в адрес НАТО, что зачастую целью их атак в бывшей Югославии были гражданские объекты, в частности, потому, что НАТО отказывалось послать на эту территорию свои войска.

Во-вторых, оказалось, что общественное мнение в западных странах, в странах НАТО сильно разделилось. В момент, когда на Югославию стали падать бомбы, оказалось, что эти западные общества вообще не являются такими уж однородными. Даже наоборот, были очень сильные общественные группы, которые утверждали, что это ошибка,

что так нельзя делать. И в нашей стране мы также наблюдали очень четкое разделение.

Таким образом, именно этот опыт привел к тому, что в настоящее время мы более скептически относимся к возможности проводить подобные операции где-нибудь еще. Уже кажется ясным, что НАТО не будет вести подобные военные операции в других странах и в других местах, где также нарушаются права человека, например, в Турции (проблема курдов), в Чечне, в Тибете. Там везде нарушаются права человека, и там везде мы не можем ожидать, что НАТО будет вмешиваться. Вероятнее всего, евроатлантическое сообщество ограничится уговорами, оказанием давления, возможно, санкциями – так, как это делалось в случае Восточного Тимора или же в случае некоторых стран субсахарийской Африки, но с полной уверенностью можно сказать, что речь о вооруженном вмешательстве, по крайней мере в ближайшее время, не идет.

Эта сдержанность касается не только Европы, которая испытывает определенные трудности в отношении участия в боевых действиях, но также и Соединенных Штатов, которые до сих пор выступали в качестве лидера подобных акций. На эту позицию, на эту сдержанность Соединенных Штатов наверняка повлияла, как все мы знаем, неудачная операция в Сомали. И это очередной пример, показывающий могущество масс-медиа. Когда американское телевидение в течение нескольких дней непрерывно, круглосуточно, по 24 часа в сутки показывало, как разъяренная толпа сомалийцев уродует тело американского солдата, требование уйти было так велико, что американцы просто ушли и оставили эту страну на растерзание бандитским группировкам – так, как было.

И это очень важный урок. Он может разочаровать тех, кто был склонен видеть в нравственно-демократической модели какой-то универсальный механизм, который рано или поздно охватил бы весь мир и ввел ожидаемый и требуемый лад в международные отношения. Фрэнсис Фукуяма принадлежит к числу наблюдателей, которые говорят, что существует именно такая модель, которая везде должна стать господствующей и, по всей вероятности, станет таковой. Я не уверен, что так будет. Однако, с другой стороны, есть более утешительное наблюдение, сделанное в процессе этого опыта. А именно: страны евроатлантического сообщества настолько неохотно относятся к вмешательству силовым способом и настолько ценят благополучие и здоровье собственных граждан, что они

не в состоянии будут в течение ближайших лет произвести такое вмешательство, какое было в Косово.

Вот эта информация должна порадовать всех тех, кто утверждал, что НАТО – это агрессивный военный блок и что расширение НАТО – это, например, подготовка к началу какой-нибудь агрессии. И, пожалуй, это наблюдение мы должны прежде всего посвятить нашему соседу – России. То, с чем мы имели дело в течение последних нескольких лет, по сути свидетельствует не об агрессивном, но об исключительно оборонительном характере Североатлантического союза.

Существует еще одна причина, по которой нравственно-демократическая модель, по всей вероятности, не распространится за пределы широко понимаемой евроатлантической территории.

Во-первых, потому, что существуют другие модели внешней политики. Посмотрите, пожалуйста, на Азию. Вот главные азиатские страны используют классическую модель силового равновесия. Это классическая модель силового равновесия периода, я бы сказал, после Венского конгресса – относящаяся к девятнадцатому веку по европейским критериям, ибо это некое стратегическое соперничество России, Китая, Индии и Пакистана. Каждая из этих стран прежде всего расширяет свои вооруженные силы и свой военный потенциал, и ее практически не интересует то, что происходит внутри других стран. Внутренние институты в этой политике не имеют большого значения – это просто *realpolitik*. Значит – это модель, которая, можно сказать, отдает анахронизмом для европейца, но тем не менее так выглядит обстановка в Азии. Это, конечно, модель, очень далекая от нравственно-демократической, которая прочно укрепилась в Европе и Северной Америке. Конечно, мы видим, почему именно там обязательна модель силового равновесия и *desinterressement* практически во внутренних делах. Именно потому, что это страны, прежде всего, глубоко культурно разделенные и одновременно с острым, очень острым дефицитом демократии внутри каждой из них, кроме Индии. Китай, Иран, Пакистан, до определенной степени Россия – это страны, в которых демократические традиции либо не существуют, либо они очень свежи.

Существуют еще две модели, о которых хотелось бы для порядка упомянуть. Первая – это модель, которую я называю этнически-племенной моделью внешней политики. Это такая модель, которая подчиняет внешнюю политику интересам определенной этнической группы либо определенной нации. Эта модель прежде всего определяет отношения между

некоторыми странами Центральной Африки – несчастный случай Руанды, в последнее время Конго, Уганда, Бурунди. Это те страны, которые используют этнически-племенную модель. Там внешняя политика формируется через призму интересов отдельных национальных групп, но, увы, элементы этой модели мы находим также в Европе – на Балканах. Ведь то, что вытворяла Югославия в течение последних восьми или десяти лет, это, пожалуй, точная копия такой этнически-племенной модели. Югославия не отдавала себе отчета, что *raison d'état*, то есть государственные интересы Югославии заключаются в установлении сотрудничества с экономически развитыми странами, которые являются неким сообществом в Европе. Нет, национальный интерес Югославии определялся как этническая экспансия – как этническая чистка. Эта политика оказалась катастрофой. Между прочим, не в первый раз. Так, как я уже говорил вначале, некоторые цели, которые противоречат государственным интересам, являются просто катастрофическими для стран, которые используют такую внешнюю политику.

Не нужно далеко ходить – Европа, участвуя в крестовых походах в XII веке, также участвовала в бессмысленной внешней политике, которая исчерпывала ее ресурсы, а к тому же ее нельзя было сохранять долгое время. Ошибка меньшего масштаба была допущена в Польше при короле Яне III Собеском. Венская помощь, правда, является тем, чем мы любим гордиться, но с точки зрения реализации польских государственных интересов это была, мягко говоря, бессмысленная экспедиция.

Последняя модель – это модель революционной внешней политики. К счастью, мы имеем уже немного таких случаев. С одной стороны, это те страны, которые хотят навязать определенные конфессиональные системы другим странам, а с другой стороны – государства, которые хотят навязать определенные социальные системы. Обе группы стран стремятся к тому, чтобы привести к этому революционным путем, некоторым образом экспортируя революцию. К этому типу государств принадлежат, с одной стороны, Ливия или Афганистан, а, в свою очередь, с другой – мы имеем такие страны, как Куба или КНДР (Северная Корея). Утешает, что это лишь единичные страны, но в региональном масштабе они, несомненно, могут дестабилизировать международную обстановку.

Несколько слов о России. Это особенный случай, и Россию трудно однозначно отнести к какой-либо из этих моделей. Ро-

ссия является страной, которая возникла на грани разных культур, она разорвана между тремя источниками, из которых возникла ее современность:

- во-первых, это, конечно, восточное православное христианство,
- во-вторых, это азиатские влияния, особенно азиатских захватчиков – монголов и татар, которые привили России некоторое пристрастие к деспотизму и авторитаризму,
- в-третьих, это западноевропейская традиция, которая была особенно сильной в XVIII и в XIX веках в России, когда она привлекала к себе многих образованных европейцев, особенно из Германии.

Итак, Россия является особым примером страны, которая для того, чтобы существовать, должна была захватывать другие нации. Здесь я себе позволю процитировать неоченимого Нормана Девиса, который заметил, в частности, следующее: «Россия и ее императоры имели дурную привычку территориальных завоеваний. Их жажда земли (Девис это называет разновидностью булимии) была проявлением патологического состояния, вытекающего из колоссальной бездарности и военных традиций»¹¹. Экспансия России – для тех из Вас, кто любит статистику, это может быть интересной информацией – экспансия России шла в темпах, которые в период с 1683 до 1914 года определяется в 80 кв. км в день. Такими темпами расширялась Россия. Конечно, расширение России путем завоеваний других народов вызывало в ней чувство опасности, потому что эти народы нужно было поработать. Все силы, вместо того чтобы служить духовному и материальному развитию страны, шли на удержание в повиновении завоеванных территорий. Результат был таким, что Россия в какой-то момент также сломалась под собственной тяжестью, результатом чего был распад Советского Союза.

Нынешняя Россия является демократическим государством, хотя, как я уже говорил, эта демократия еще не очень прочна и некоторые элементы внутреннего строя скорее являются остатками прежней системы. Я здесь прежде всего имею в виду национальную политику. В политике Россия, несомненно, демократическая страна, тут царит свобода слова, свобода вероисповедания, свобода масс-медиа (хотя только до определенной степени, если учитывать судьбу владельца

---

¹¹ N. Davies, *Europa. Rozprawa historyka z historia*, Krakow 1998, s. 701 (примеч. ред.)

«Медиамоста»), существует свобода деятельности политических партий, однако все-таки на одном участке, на участке национальной политики, Россия, пожалуй, еще одной ногой стоит в старой системе. И, несмотря на то, что Россия в значительной степени является демократическим государством, она не ведет внешнюю политику по нравственно-демократической модели. Россия осуществляет модель силового равновесия практически по отношению ко всем. И в той же мере, в какой это можно как-то объяснить на восточной и южной границах, где на самом деле соседями России являются такие страны, как Китай, Пакистан, Иран, где действительно политика силового равновесия, некоторого стратегического соперничества может найти объяснение, эта политика не имеет никакого оправдания на западной границе, где Россия граничит со странами НАТО либо странами европейской демократии.

Это звучит парадоксально, ибо НАТО, повторяем еще и еще, не несет никакой угрозы России, а даже наоборот. НАТО является территорией стабильности, правового порядка. Мне кажется парадоксальным: все зависит от того, как Россия сформирует свою политику по отношению к другим европейским странам и к НАТО. Если Россия признает, что это страны, с которыми можно использовать нравственно-демократическую модель политики, а не модель силового равновесия – именно перед Россией – у меня такое впечатление – откроются до сих пор не изведанные горизонты развития. Но если Россия в дальнейшем будет поддаваться этому своему очень традиционному, я бы даже сказал, параноическому опасению перед потерей, перед окружением, перед заговором всех, всего мира против нее, то положение России, (существующее сейчас), которая должна тратить огромное количество своих ресурсов на вооружение, на удержание статуса супердержавы, не имея для этого никаких экономических оснований, вот такое положение будет удерживаться в течение следующих лет, возможно, даже в течение десятилетий с огромным ущербом для России.

И теперь несколько слов на тему будущего. Так сложилось, что мы имеем несколько моделей внешней политики, зависящих от внутреннего строя, от внутренних институтов, и возникает естественный вопрос: это какая-нибудь аномалия, можно ли ожидать, что они будут идти именно в направлении одной модели, или скорее нет? Вытекает ли отсюда факт, что просто разные страны находятся на разном уровне развития и, когда они достигнут высокого уровня развития, примут эти

более продвинутые модели, или же эти отличия значительно глубже? Возможно, это культурные различия, которые являются причиной того, что уже всегда, а по крайней мере в течение ближайших ста лет, эти модели будут разными.

Ответ на этот вопрос в огромной степени зависит от того, какая из двух больших тенденций, или же двух больших в настоящее время сил, одержит верх: глобализация или регионализм?

Конечно, о глобализации нет необходимости здесь много говорить. Это, коротко говоря, растущая взаимозависимость государств, народов и регионов, вытекающая из технологического прогресса, из развития информационных технологий, а также из политики государства и из цивилизационного прогресса. Короче говоря, не удастся сейчас применять политику полной автархии либо полной изоляции. Такая страна обрекла бы себя на полное цивилизационное увядание. Но, с другой стороны, эта увеличивающаяся взаимозависимость, конечно, ограничивает то, что раньше считалось признаком суверенного государства, т. е. власть над своей территорией, над людьми, даже над идеями, над мыслями. Этого уже не удастся сделать в эпоху спутникового телевидения, мобильных телефонов и Интернета. Просто отдельные страны нельзя изолировать от остального мира. Это перетекание идей, информации, капитала и технологий будет иметь большее или меньшее, однако свое место и будет совершать эрозию любых барьеров.

Но нужно также отдавать себе отчет в том, что глобализация именно в таком исполнении вызывает огромный протест. Многие ее считают угрозой для сплоченности локальных сообществ, угрозой для национальных культур. Боятся вторжения массовой культуры из высоко экономически развитых стран. Нужно также понимать, что глобализация благоприятствует «красивым, здоровым и богатым». Однако, серьезно говоря, глобализация, безусловно, награждает тех, у кого есть деньги и у кого есть образование. Деньги и образование есть прежде всего в высоко развитых странах. Так что именно там ощущается польза от глобализации и оттуда течет главный информационный поток, не только полезной, но также и голливудской культуры, которую не во всех частях мира встречают охотно. Итак, реакцией на эту глобализацию, которая имеет шансы на успех (ибо протесты мы видим везде и имеем с ними дело в разных частях света), реакцией, которая может иметь успех, является не изоляция, как я сказал, а регионализм, т. е. формирование региональных группировок стран,

имеющих между собой много общего, признающих общие ценности, имеющих какую-то общую культуру, может быть, и этнические связи; создание интеграционных группировок; использование выгоды масштаба, но в региональном масштабе, и в то же время создание крепости вокруг них. Это значит, что мы можем идти в направлении модели мира, которая не будет глобальной, между прочим, глобализация отнюдь не глобальна, как Вы знаете. Существует много сфер, которые вовсе не используют глобализацию. Чувствует ли сейчас какой-нибудь крестьянин на Украине, что такое глобализация, или какая-нибудь негритянская деревня в Африке? Туда не доходят ее выгоды. Итак, один из двух этих сценариев: либо глобализация, охватывающая весь мир, и постепенная унификация некоторых норм потребления, поведения, культуры и цивилизации, либо регионализм.

По-моему, больше шансов имеет сейчас развитие в сторону регионализма.

Такой сценарий до определенной степени подтверждает Европейский Союз, и именно это последняя тема, которую я бы хотел затронуть. Европейская интеграция в этом контексте рассматривается как проявление тенденции к регионализму.

Почему? Потому, что Европейский Союз не стремится охватить весь мир. Ба! Не стремится охватить даже всю Европу. Очень трудно убедить европейцев – наших западных партнеров, что по крайней мере в Европейском Союзе имеют право быть страны, которые принадлежат если не к географической Европе, то по крайней мере к западному кругу христианства, страны Балтии, центральноевропейские страны, такие как Польша или Словакия, но также и Болгария. Сделали для Греции исключение, но это исключение, подтверждающее правило. Не буду приводить многих мнений, с которыми я столкнулся по этому вопросу. Приведу лишь один анекдот: отношение Брюсселя к Греции несколько напоминает взгляд на Солнечную планетарную систему. Существует 9 планет, которые вращаются в одну сторону, а в конце находится планета Плутон, которая вращается в другую. Так приблизительно говорится о роли Греции в Евросоюзе.

Предлагаю это воспринимать как анекдот, который, конечно, ничего не определяет. Греция в последнее время вошла в зону евро, то есть в некотором смысле она более продвинута, чем Швеция, которой это не удалось сделать. Но фактом является то, что западные европейцы имеют уже некоторый резерв. Вероятно, в ЕС войдет еще и Кипр, скорее

всего, войдет еще Болгария, в какой-то перспективе, но еще трудно сказать, войдет ли Турция, Украина или, возможно, Израиль.

Как бы ни сложилась дальнейшая судьба Европейского Союза, несомненным является факт, что он не выйдет за пределы географической Европы, и я бы даже сказал, Европы, очерченной сферой существования западного христианства. Это будет означать, что такого типа регион будет развиваться сам по себе. Параллельно будут развиваться другие регионы, а именно: ASEAN, т. е. регион юго-восточной Азии, NAFTA. Соединенные Штаты, поддерживая свою связь с Европой, будут, однако, все сильнее стараться развивать отношения с государствами Латинской Америки. И поэтому более вероятным, чем глобализация, является сценарий регионализации. Что это значит для Польши? Что это значит для Европейского Союза? Это значит по крайней мере две вещи. С одной стороны, наверняка в рамках этого объединения практически исчезает угроза вооруженных конфликтов. Трудно себе даже в данный момент представить, чтобы в рамках Европейского Союза могли вспыхивать вооруженные конфликты, чтобы дело дошло до войны. Это практически невообразимо. Униформизация политических систем, принципов функционирования государств права зашла уже так далеко, что говорится об общей конституции, об общей внешней политике. Нет опасности каких-нибудь серьезных конфликтов. Конечно, конфликты будут, как всегда в семье, но это не будут вооруженные конфликты, это не будут фундаментальные, принципиальные конфликты.

Вторая тенденция – и это тенденция, которая не столько беспокоит, сколько склоняет к определенным размышлениям, – это закрытие Европы. Европейский Союз является карликом, если говорить о внешней политике вне своей территории. Не только потому, что, собственно, в рамках Европейского Союза очень трудно прийти к общему мнению и единой позиции, потому, что отдельные страны постоянно имеют немного разные мнения. Поэтому нечто вроде общей политики безопасности либо внешней политики Европейского Союза еще не существует. Она создается и будет создаваться еще много лет, и это будет сложный процесс. Роль, которую Европейский Союз играет в конфликтах на Балканах, а особенно на Ближнем Востоке, в последнее время заставляет задуматься. Он там практически отсутствует. Мы можем иметь дело с чем-нибудь следующим: если укрепится подобного рода тенденция, то получится нечто наподобие доктрины

Монро для европейского использования, Европа просто замкнется и признает, что ее участие в Афганистане, на Ближнем Востоке, в Палестине или в Конго не входит в сферу ее интересов. Так, как Соединенные Штаты решили, кажется, в 1823 году, что вмешательство в европейские дела не входит в сферу интересов Соединенных Штатов, и так же не желали, чтобы Европа участвовала в делах Соединенных Штатов.

Такое видение закрытой Европы, возможно, является картиной, не внушающей оптимизма, потому что мы бы все, конечно, хотели, чтобы нравственно-демократическая модель внешней политики постепенно распространялась также и на другие территории. Поскольку это модель, которая по крайней мере в прежней своей истории доказала свою эффективность в обеспечении безопасности и мира.

Одно несомненно: будет Европейский Союз расширяться и идти дальше или нет, он наверняка не будет это делать в соответствии с формулой крестоносца, скорее по формуле дорожного указателя, т. е. еще раз подчеркиваю: опыт Косово скорее указывает на то, что ЕС будет стараться показывать, давать хороший пример, уговаривать, но не будет использовать средства и силы для того, чтобы реализовывать свои интересы в области государственного устройства и соблюдать интересы собственной безопасности в других странах.

* Замечанные опечатки исправлены